

А. Ю. Минаков

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ВОРОНЕЖ, РОССИЯ

Русское движение 1960–1980-х годов

Аннотация. Статья посвящена феномену русского движения второй половины XX века — наследникам политических программ дореволюционных консерваторов и постреволюционных эмигрантских правоконсервативных мыслителей, которые появились в 1960-е годы в СССР. В этом смысле выделяемое нами русское движение, состоявшее преимущественно из критиков советской власти и имевшее антикоммунистическую направленность, противопоставляется так называемой легальной Русской партии, которая пыталась связать ценности дореволюционной России с советским периодом и увидеть в последнем органическое продолжение и воплощение первых. Рассматривается история и деятельность ВСХСОН и И. В. Огурцова, В. Н. Осипова и редактируемого им самиздатовского журнала «Вече», А. И. Солженицына и И. Р. Шафаревича. Анализируется идеология ВСХСОН: её отношение к революции, экономические положения, критика марксизма-ленинизма, основы желаемого социал-христианского корпоративистского строя, программа христианизации общества. Излагаются основные вехи истории журнала «Вече» и альманаха «Московский сборник». Обозревается роль священника Дмитрия Дудко в развитии русского движения. Особое внимание в статье уделяется А. И. Солженицыну, которого автор считает крупнейшей и ключевой фигурой русского консервативного движения второй половины XX века. Рассмотрено идеологическое содержание сборника «Из-под глыб», центральными авторами которого были Солженицын и Шафаревич.

Автор приходит к выводу о том, что организационное уничтожение русского движения в Советском Союзе в конце

70-х — начале 80-х годов XX века предопределило ход русской истории, открыв дорогу либерально-западническим силам, готовившим перестройку и радикальные реформы 1990-х годов. В результате в переломный для страны период с 1987 по 1993 год русское движение не выдвинуло ни одного общепризнанного лидера, который мог бы предложить альтернативу либеральному курсу страны. Тем не менее интеллектуальные наработки русского движения в последующие десятилетия оказались востребованными для консервативного политического лагеря и остаются таковыми и поныне.

Ключевые слова: русское движение, русский консерватизм, ВСХСОН, И. В. Огурцов, В. Н. Осипов, журнал «Вече», «Московский сборник», А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич

Для цитирования: Минаков А. Ю. Русское движение 1960–1980-х годов // Ортодоксия. — 2023. — № 3. — С. 98–123. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-98-123

Под русским движением здесь имеются в виду прямые наследники политических программ дореволюционных правых консерваторов и постреволюционных эмигрантских правоконсервативных мыслителей, которые появились в 1960-е годы в СССР¹. В этом смысле мы противопоставляем этот термин широко распространённому термину «русская партия». По нашему мнению, большая часть так называемой легальной «русской партии» особого отношения к русскому консерватизму и традиционным христианским ценностям не имела, так как изначально слишком прочно связала себя с советизмом и сталинизмом.

Условия для возникновения русского движения были созданы хрущёвской оттепелью, когда после XX съезда КПСС и частичной либерализации режима появились идейные течения и группы, в той или иной степени противостоявшие официальной марксистско-ленинской идеологии.

¹ Литература, посвящённая в той или иной степени русскому движению: (Вдовин 2019); (Кожевников 2017); (Лебедев 2007); (Фоменков 2010).

У студенческой молодёжи, стремящейся обрести подлинное гуманитарное образование, появилась возможность ознакомиться с ранее запретной публицистикой Ф. М. Достоевского, трудами Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, М. О. Меньшикова, Н. А. Бердяева, сборниками «Вехи», «Из глубины» и т. д. Возникает интерес к тысячелетней русской истории, появляется увлечение церковной архитектурой и православной иконописью, возникает движение в защиту памятников русской дореволюционной культуры (преимущественно церквей). В это же время завязываются связи с русской эмиграцией, филологи начинают создавать труды, посвящённые литературе русской эмиграции, к примеру в 1960 году издаётся однотомник И. А. Бунина. Начинается подобие интеллектуального паломничества (впрочем, не следует преувеличивать его масштабы, в лучшем случае речь идёт о десятках людей) к ссылке В. В. Шульгину, во время зарубежных поездок устанавливаются первые контакты с лидерами и активистами НТС (к примеру, в начале 1960-х годов художник И. С. Глазунов знакомится с А. П. Столыпиным, нелегально привозит в СССР «тамиздат»).

Однако организованное движение появляется лишь после смещения Н. С. Хрущёва, когда произошёл отказ от критики «культы личности Сталина» и резкое «похолодание» внутривластного курса. Опасения, что может произойти реставрация ленинско-сталинского режима, реальная или гипотетическая, вызвала к жизни организованное русское инакомыслие.

В начале 1964 года возникла крупная конспиративная подпольная организация (её численность составляла не менее 60 человек) — Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН). Ядро организации составляли студенты-гуманитарии Ленинградского университета. Лидером был молодой востоковед-японист Игорь Вячеславович Огурцов (1937–2023), человек жёсткой воли и ясного ума.

Модель организации строилась явно по тем схемам, которые в своё время использовались наиболее радикальной частью «освободительного движения», с законспирированными автономными «отделениями», тщательным поэтапным отбором кандидатов в члены организации и пр. Одной из основных задач ВСХСОН был максимальный рост организации.

Создатели ВСХСОН исключительное значение придавали программе организации, которая, несомненно, является одним из значительных произведений русской консервативной мысли второй половины XX века.

Программа исходила из постулатов о примате духовного над материальным, о приоритете духовных и культурных факторов в сравнении социально-экономическими и политическими. Христианство рассматривалось как религия, призванная спасти Россию и мир от духовного порабощения материализмом, нравственной деградации, социального и военного самоубийства.

Революция 1917 года и советский строй расценивались как явления антинациональные и антихристианские, чуждые народным традициям и заведшие страну в исторический тупик. «Коммунистический опыт построения нового мира и попытка воспитать нового человека привели лишь к созданию бесчеловечного мира»².

Социальной основой коммунизма в программе выступает класс партийной бюрократии, которая является глубоко антинациональной, не связанной с народом. Она обладает монополией на неограниченную власть, являющуюся формой «скрытой гражданской войны между правительством и народом». Существование нового класса поддерживается исключительно обманом и насилием.

Члены ВСХСОН остро реагировали на события и явления, подобные расстрелу в Новочеркасске рабочей демонстрации в 1962 году, конфискационной «денежной реформе», демагогии об «ускоренном слиянии наций» в «единый советский народ» и пр., «империалистической» политике, «нацеленной на установление диктатуры над всем миром».

Критика марксизма-ленинизма — одна из самых сильных и наиболее разработанных сторон программы ВСХСОН. В ней фиксируются и категорически осуждаются такие черты коммунистической системы, как диктатура коммунистической олигархии, деспотический культ вождей, хозяйственная тирания, резкое падение производительности труда, низкое качество товаров, нищета большинства населения, замена культуры пропагандой, вырождение общественных наук, жесточайшее моральное угнетение всего общества, уничтожение национальной традиции, внешняя политика, приводящая на грань атомной катастрофы, и др. Эта система крайне жестка и не подлежит реформированию, она «не может улучшаться, не подрывая тем самым своих основ».

На смену ей должен прийти социал-христианский корпоративистский строй, т. е. такое государственное устройство, которое состоит из

² Все ссылки на программу ВСХСОН здесь и далее даются по ссылке: — URL: <https://vshson.narod.ru/programma-bbed.html> (дата обращения: 21.12.2023).

представителей профессиональных, экономических и культурных объединений, в которые входят и работодатели и рабочие, чтобы защищать интересы своих корпораций, решать реальные вопросы функционирования различных государственных институтов: сельского хозяйства, народного образования и т. п. Таким образом, в подобном государстве исключаются обременительная для государства и общества борьба за политическую власть, классовая борьба, парламентаризм и партийная система. Новая система предполагала не только представительство корпораций в высшем законодательном органе страны, но и развитие самоуправления на местах. Корпоративное государство должно было также обеспечивать «основные права человека и гражданина». Высшей ценностью объявлялась человеческая личность, неотчуждаемые права, вытекающие из природы человека.

Несомненной заслугой всхсоновцев было обращение к христианству как к высшей духовной ценности и как к средству решения социальных проблем: «Христианство открывает смысл бытия и указывает временные цели, к которым нужно стремиться человечеству; оно в качестве высшего критерия восстанавливает правильную иерархию всех ценностей в мире». Программа ВСХСОН предполагала христианизацию всей жизни общества, политики и экономики: «Государство должно конституироваться как теократическое, социальное, представительное и народное... должно быть построено на моральной основе и руководствоваться религиозными принципами».

«Свободная теократия» должна была быть реализована через специальный «блюстительный орган» — Верховный Собор, состоящий на одну треть из лиц высшей иерархии Церкви и на две трети из пожизненно избираемых «выдающихся представителей народа» (вероятно — авторитетных членов ВСХСОН), которые имели бы право вето на неприемлемые с религиозной и нравственной стороны решения других ветвей власти.

Программа ВСХСОН предполагала создание смешанной экономики, где сосуществовали бы общенациональная, государственная, общинная и персоналистическая (частная) формы собственности.

Следует понимать, что в начале 1960-х годов независимая русская правоконсервативная мысль делала только первые шаги после многодесятилетнего перерыва, её носители ещё не обладали сколько-нибудь существенным социальным и интеллектуальным опытом. Поэтому в программе ВСХСОН содержались некоторые положения, которые не могли быть приняты последующими поколениями русских консерваторов.

Так, очевидно, что, находясь за «железным занавесом», всхсоновцы явно идеализировали Запад. С одной стороны, в программе подчёркивалось, что социализм является продолжением наиболее отвратительных черт капитализма (всеобщая пролетаризация и пр.), с другой — утверждалось, что «капитализм преобразовывается, освобождается от самых отрицательных своих черт». Там происходит национализация жизненно важных отраслей промышленности, жизненный уровень высокий, возник массовый средний класс, «капитализм эволюционным путём выходит из тупика». Будущая социал-христианская Россия должна стремиться к «единому миру», тесному экономическому и политическому сотрудничеству с западным миром.

Несомненна также не просто идеализация, но и усматривание всхсоновцами позитивных черт в «освободительном движении», непонимание утопичности и крайней деструктивности последнего. Трудно себе представить, чтобы уже во второй половине 1970-х годов, после публикации «Архипелага ГУЛАГ» и начальных частей «Красного колеса», кто-то из представителей русского правоконсервативного лагеря мог написать: «Российское революционное движение на короткий срок — от февральской революции до большевистского переворота в октябре — завоевало все гражданские свободы и политические права, которые должны были привести к широким экономическим преобразованиям демократического характера, временно задержанным мировой войной».

Кроме того, в тексте программы ВСХСОН христианство трактуется в экуменическом духе: «Объединяющееся вселенское христианство готовит высший религиозный фундамент для сверхнационального единства». В программных положениях касательно состава блюстительного Верховного Собора речь идёт об иерархии Христианской Церкви, слово «православие» не употребляется.

Пожалуй, самое радикальное отличие программы ВСХСОН от последующих текстов русского правого консерватизма видится в том, что в ней не просто используется терминология, характерная для российского «освободительного движения», но и пропагандируется ставка на насильственные революционные методы. В ней заявлялось, что организация имеет преемственность с российским революционным движением, «поскольку оно выражало общенародные интересы».

Главной целью ВСХСОН была «народная освободительная революция, направленная на свержение диктатуры коммунистической бюрократии». Причём «освобождение народов от коммунистического ига может быть

достигнуто только вооруженной борьбой ... необходимо единение всех сил народа, которое обеспечит и быструю бескровную победу, и вдохновенное построение справедливого общества в братском взаимодействии». И. В. Огурцов считал, что события 1956 года в Венгрии являются образцом для подражания, поскольку стали «прелюдией к освобождению всех народов, порабождённых коммунизмом». Венгерские повстанцы, считал он, отвергли «как коммунистический путь, так и капитализм, который и на Западе постепенно трансформируется в новый демократический хозяйственный строй».

Активный член ВСХСОН, Л. И. Бородин спустя годы следующим образом комментировал положение программы о свержении диктатуры коммунистической бюрократии: «Мы делали ставку на дворцовый переворот. В наших разговорах это выглядело так: советская власть представляет пирамиду, и право самостоятельного решения имеет минимальное количество людей. Это минимальное количество можно взять на квартирах. Вот и весь переворот. Если взбрыкнёт — поставим пистолет к виску министра обороны. И он по телевидению сообщит: “В стране всё спокойно. Никому не шевелиться и не оттопыриваться”. Мы допускали, что где-то будут промахи и КГБ окажет нам сопротивление. Конечно, программа Игоря Огурцова была фантастичной. Во-первых, народ совершенно был к этому не готов. ... Мы были уверены, что коммунисты не просто уйдут с исторической арены — они развалят страну. Мы были против всего, что они делали. Но этот тезис — о неизбежном развале империи — был основополагающим»³.

На подготовку бескровного переворота отводилось 10–15 лет. Впрочем, на практике вся деятельность ВСХСОН ограничивалась распространением среди членов организации и её потенциальных кандидатов самиздата, преимущественно религиозного содержания. В каждом отделении имелась библиотека с запрещёнными в СССР книгами для работы с «кандидатами». Это были произведения преимущественно русских консервативных мыслителей: наибольшее влияние на формирование программы ВСХСОН оказали «Философия неравенства» и «Новое средневековье» Н. А. Бердяева и «Новый класс» М. Джиласа.

В феврале 1967 года ВСХСОН был раскрыт КГБ. В результате закрытого судебного процесса лидеры и активисты получили огромные по тем

³ Бородин Л. И. Я был и остался всхсоновцем (К 55-летию основания ВСХСОН). — URL: <https://pereklichka.livejournal.com/1482845.html?ysclid=lfqf9nyisp120657771> (дата обращения: 21.12.2023).

временам сроки. Их обвиняли в заговоре с целью «вооружённого свержения советского государственного и общественного строя и установления в СССР буржуазного режима». И. В. Огурцов получил пятнадцать лет с отбыванием первых семи лет в тюрьме, а остального срока — в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на пять лет, без конфискации имущества за отсутствием такового. За участие в забастовке заключённых срок заключения был перекалфицирован — десять лет тюрьмы вместо семи. В 1987 году он был выпущен на свободу, проведя в заключении в мордовских концлагерях и владимирской тюрьме и ссылке двадцать лет. Сопоставимые сроки получили и его ближайшие соратники: М. Ю. Садо — тринадцать лет, Е. А. Вагин — восемь лет, Б. А. Аверичкин — восемь лет, Л. И. Бородин — первоначально шесть лет. Находясь в заключении и ссылке, всхсоновцы смогли идейно повлиять на ряд политических заключённых, первоначально придерживающихся иных политических взглядов. Брежневские политлагеря оказались своего рода «университетами» русского движения.

Следует подчеркнуть, что, вопреки заявлениям современных неосоветских публицистов, организация не имела никаких связей с эмигрантскими кругами и тем более с зарубежными спецслужбами.

После разгрома ВСХСОН нелегальное русское движение даже не пыталось создать законспирированные политические организации (это было бессмысленно в условиях тотального контроля над образованным обществом и крайне жёстких репрессий со стороны КГБ и советской судебной системы). Идея корпоративизма, почерпнутая из произведений Бердяева, более никем не поддерживалась, а его активные деятели в большинстве случаев декларировали свою приверженность к православию и занимали критическую позицию по отношению к Западу. Революционная риторика ВСХСОН была полностью отброшена русскими правыми консерваторами.

После разгрома ВСХСОН главным центром нелегального крыла русского движения стал самиздатский журнал «Вече» (издавался в 1971–1974 годах), который редактировался Владимиром Николаевичем Осиповым (1938–2020). Он закончил исторический факультет МГУ и преподавал историю в одной из московских школ. С конца 1950-х годов Осипов исповедовал анархо-синдикалистские взгляды и в 1961 году был осуждён на семь лет заключения за организацию «сборищ» у памятника Маяковскому в Москве и «антисоветскую пропаганду». В заключении Осипов сблизился с членами ВСХСОН и под их влиянием

стал православным консерватором. Он следующим образом характеризовал свои взгляды: «Моё мировоззрение, определившись в 1963–64 гг., остаётся таковым и по сей день. Уточняются лишь какие-то детали. Православие. Самодержавие. Народность. Как у любого русского в доброе старое время. Я не принимаю ни Октябрь, ни Февраль в равной степени. Более того, считаю, что с 1789 г. человечество пошло по ложному пути. Родилась качественно иная — потребительская — цивилизация. Дух, честь, совесть, милосердие — всё, что идёт от Бога, брошено в жертву мамоне, культу денег и вещей...» (Осипов 1993: 152). В отличие от членов ВСХСОН, Осипов категорически был против использования насильственных методов борьбы с коммунистическим режимом, отличался неприятием революции как способа решения социальных проблем: «Народная революция вообще нежелательна. Нравственное состояние народа значительно ниже, чем даже в период гражданской смуты» (ВСХСОН 1975: 22).

Взгляды Осипова и ряда его единомышленников определялись приверженностью к православию, самодержавной форме правления, антизападничеством и достаточно терпимым, а порой и компромиссным отношением к коммунистической власти. В любом случае ставка делалась ими на мирную просветительскую работу и постепенную эволюцию режима в сторону русских ценностей.

Освободившись из заключения, Осипов принял решение в 1969 году издавать самиздатский православно-патриотический журнал «Вече». Программа журнала была сформулирована в передовой статье (1971, № 1):

«Двадцатый век — век прогресса, науки и техники и в то же время век небывалого развития корыстолюбия и преступности. В погоне за личным материальным благополучием люди стали равнодушными к духовным сокровищам прежних столетий. Это наблюдается в равной степени и у нас, и на Западе. Но нас, естественно, прежде всего заботит Россия — наша мать, боль и надежда.

Наше нравственное состояние оставляет желать много лучшего. Эпидемия пьянства. Распад семьи. Поразительный разгул хамства и пошлости. Потеря элементарных представлений о красоте. Разгул матерщины — символ братства и равенства во хлеву. Зависть и доноительство. Наплевательское отношение к работе. Воровство и культ взятки. Двурушничество как метод социального поведения. Неужели всё это мы? Неужели это — великая нация, давшая безмерное обилие святых, подвижников и героев?

Да имеем ли мы право называться русскими? Словно заражённые бешенством, мы отреклись от своих прадедов, своей великой культуры, героической истории, славного имени. Мы отреклись от национальности. А когда мы пытаемся теперешнюю пустоту и убожество назвать тысячелетним словом, мы только оскорбляем святое имя.

И всё же есть ещё русские! Ещё не поздно повернуться лицом к Родине. Обратимся же к материнской земле и к наследию праотцев.

Нравственное всегда национально. Аморализм не имеет нации. Возродить, сберечь культуру, моральный и умственный капитал предков. Продолжить путеводную линию славянофилов и Достоевского. Предстоит большая и тяжкая работа. Мы изолированы друг от друга. Мы выварили мысли в своём соку, не обмениваясь, не споря. Вынесем их теперь на русское вече. Пусть мнения противоречат, пусть один отвергает другого. Все наши споры должны иметь одну цель — благо России» (Осипов 1993: 153–154).

Осипов не собирался скрывать от властей свою деятельность, демонстрировал подчёркнутый лоялизм и открытость, указывая на обложке свою фамилию и почтовый адрес.

Вышло всего десять номеров «Вече», на страницах которого освещались различные проблемы русской национальной жизни, религии, культуры, охраны памятников русской истории, проблемы образования, экологии. Осипов специально подчёркивал, что политические проблемы не входят в тематику журнала. «Вече» можно было назвать органом русского консервативного просвещения, поскольку на его страницах популяризировались идеи славянофилов, почвенников, в особенности Достоевского, философов русского религиозного ренессанса. Особое внимание уделялось теме укрепления русской национальной культуры и самобытности России, защите русских национальных интересов. В отличие от И. В. Огурцова, Осипов не занимал жёстко антикоммунистической позиции, хотя и трактовал события 1917 года как торжество национального нигилизма. Для него и его сторонников немаловажное значение имели изменения в национальной политике коммунистов в 1930-е годы, приведшие к использованию в пропаганде элементов патриотической идеологии в канун войны и ослаблению гонений на православие в военные годы. С их точки зрения, разработка в современных условиях национально-консервативной идеологии диктовалась угрозой со стороны маоистского Китая и космополитического Запада и необходимостью идейного противостояния этой

угрозе, исходя из русских национальных интересов. Осипов подчёркивал особую роль православия и Православной Церкви в русской истории и русского народа, в этом было несомненное отличие материалов в «Вече» от программных документов ВСХСОН. При этом Осипов стремился привлечь легальную часть «русской партии» к сотрудничеству, журнал читали сотни людей, он рассылался в полтора десятка городов. На его страницах публиковались работы представителей и национал-коммунистического лагеря, вроде Г. М. Шиманова и М. Ф. Антонова. Издание «Вече» прекратилось из-за разногласий между редакторами журнала. Осипов сделал попытку издавать альманах «Земля», вышло всего два номера.

В конце 1974 года Осипов был арестован КГБ, а в 1975 году был осуждён на восемь лет заключения.

В какой-то мере линию «Вече» продолжил религиозно-философский и литературный альманах «Московский сборник», выпускаемый Леонидом Ивановичем Бородиным (1938–2011) в 1974–1975 годах. Он был арестован по делу ВСХСОН и отбыл в 1967–1973 годах срок в лагерях и владимирской тюрьме. Свои взгляды он определял следующим образом: «Я был и остался всхсоновцем. Мои взгляды сформировались в шестидесятые годы. В том числе — в мордовских лагерях. С тех пор ничего во мне не изменилось»⁴.

Бородин использовал для «Московского сборника», посвящённого проблемам нации и религии, название издания, выпущенного в конце XIX века одним из ведущих идеологов русского консерватизма, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Это был своего рода сознательный вызов доминирующему либерально-западническому диссидентству. Сам Бородин свидетельствовал, что в тот период «с азартом перечитал “Московский сборник” и переписку К. П. Победоносцева» (Бородин 2003: 205). Сотрудники альманаха были молодыми людьми, неофитами православия, которые принадлежали к кругу о. Дмитрия Дудко: В. В. Бурдюг, С. А. Бударов и др. Тираж альманаха составлял 20–25 экземпляров.

В сентябре 1974 года вышел первый номер, посвящённый памяти Ю. Т. Галанскова, скончавшегося в 1972 году в мордовском лагере, редактора самиздатского сборника «Феникс». В номере были опубликованы материалы, посвящённые русской религиозно-философской мысли (например, статья философа Ренаты Гальцевой о Л. М. Лопатине), о годах

⁴ Бородин Л. И. Я был и остался всхсоновцем...

«большого террора» (работа А. М. Иванова-Скуратова «Триумф самоубийц», её начало было опубликовано ещё в осиповском «Вече», с которым Бородин активно сотрудничал), материалы в защиту канонического православия — полемика Л. И. Бородин с бывшим активным участником обновленческого раскола А. Э. Красновым-Левитиным, фрагменты из романа «Лебединая песня» И. В. Головкиной (Римской-Корсаковой). Осмысление и актуализация русской философии была доминирующей линией альманаха. К примеру, во втором номере были опубликованы статьи С. Хоружего (под псевдонимом Глебов) о Карсавине, в третьем — статья всхсоновца Е. Вагина о Н. Н. Фёдорове. Структура и тематика «Московского сборника» предвосхитили характерные особенности лучшего русского консервативного толстого журнала «Москва», главным редактором которого Бородин был в 1992–2011 годах.

В апреле 1975 года при обыске у одного из редакторов «Московского сборника» был конфискован третий номер альманаха, Л. И. Бородин был вызван в КГБ, где ему было сделано «серьёзное предупреждение». После этого он уехал в Сибирь, где занялся сбором кедровых орехов, работал лесником и писал книги. В 1978 году в «Посеве» вышла его «Повесть странного времени». Очевидно, что у него были какие-то связи с «орлами» НТС, которые доставляли в СССР «тамиздат», журналы «Посев», «Грани» и т. д. Бородин был арестован в мае 1982 года по статье «антисоветская пропаганда и агитация» за публикации на Западе его литературных произведений. Он был приговорён к десяти годам политлагерей особого режима и пяти годам ссылки и досрочно был освобождён летом 1987 года, проведя в тюрьмах и лагерях свыше одиннадцати лет.

Следует сказать несколько слов о тесно сотрудничавшем с В. Н. Осиповым и Л. И. Бородиным инженером Викторе Васильевиче Бурдюге (род. в 1946). Он организовал подпольную типографию, первым начал печатать и распространять некоторые произведения И. А. Ильина, которые получил от И. С. Глазунова: «Наши задачи», «О сопротивлении злу силою», «Путь к очевидности». Эти работы, по словам Бурдюга, произвели на него и единомышленников ошеломляющее впечатление. Впрочем, бóльшая часть тиражей пришлась на издание Евангелия и святоотеческой литературы. Бурдюг и его соратники перевели на русский язык произведения о. Серафима (Роуза) против оккультизма, сделали машинописный экземпляр «Отца Арсения».

Он был арестован в 1982 году и осуждён на четыре года лагерей за размножение и распространение религиозной и философской

литературы. При аресте у него изъяли двенадцать мешков самиздата и тамиздата.

Обычный «круг чтения» участников русского движения 1960–1980-х годов составляли произведения А. И. Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ», его публицистика, начиная со статьи «Жить не по лжи», В. Т. Шаламова — «Колымские рассказы», сборник «Из-под глыб», «Московский сборник», из эмигрантской литературы — произведения Н. А. Бердяева «Философия неравенства», «Новое средневековье», «Народная монархия» И. Л. Солоневича.

При всей своей подчёркнутой приверженности ценностям православия русское движение при существовавшем политическом режиме так и не смогло установить сколько-нибудь тесных связей не то что с представителями православной иерархии, но даже с обычными представителями клира. Исключения здесь лишь подтверждали общее правило. Одним из таких исключений была судьба священника Дмитрия Сергеевича Дудко (1922–2004). Судьба этого человека показательна и трагична. Он родился в семье крестьянина, арестованного за отказ вступить в колхоз. Во время войны оказался на оккупированной территории, затем был призван в Красную армию, короткое время провоевал и был комиссован в связи с ранением и болезнью. В 1945 году Дмитрий Дудко поступил в Московскую духовную семинарию, а затем продолжил обучение в Московской духовной академии. В 1948 году он был арестован и приговорён к десяти годам лагерей с последующей ссылкой за то, что во время войны опубликовал свои юношеские стихи в газете, выходящей на оккупированной территории. Дудко был освобождён лишь в 1956 году. Ему удалось окончить духовную академию, после чего он был рукоположен в священники. О. Димитрий служил в храмах Москвы и Московской области, неоднократно переводился в различные приходы и даже подвергался запретам в служении «за нарушение церковной дисциплины». Дело в том, что в своих проповедях, статьях и воззваниях о. Димитрий не боялся говорить о гонениях на Церковь, о ленинско-сталинских репрессиях, страшном опыте лагерей и т. д. Многие представители русского движения считали его своим духовным наставником, вокруг него из них сложилась небольшая община. В отличие от о. Александра Меня, который пользовался авторитетом в диссидентской либерально-западнической среде, отец Димитрий стал духовным авторитетом для представителей прежде всего нелегального русского движения. С середины 1970-х годов

его тексты публиковались в изданиях РПЦЗ, сборник его бесед «О нашем уповании» был издан YMCA-press в 1974-м.

В 1980 году о. Димитрий был арестован по обвинению в «антисоветской деятельности». Летом того же года он сделал ряд заявлений о том, что он не выступал против советской власти, что прежняя его позиция была ошибочной и что он неправильно информировал общественность о положении в Церкви и стране и отрекается от своих «клеветнических книг и статей». Кроме того, он назвал лиц, через которых передавал свои выступления для западной печати, после чего уголовное дело против него было закрыто. Ряд деятелей русского движения, например И. Р. Шафаревич, сочли подобное поведение нравственно недопустимым. Несмотря на радикальное изменение общественно-политической позиции о. Дмитрия, часть его паствы, связанная с русским движением, сохранила с ним духовную связь. Некоторые бывшие члены общины, сложившейся вокруг него, например А. В. Щипков, играют значительную роль в современном русском консервативном и патриотическом движении.

О. Димитрий безусловно сыграл свою роль в развитии русского движения. Так, в конце 1970-х годов сложился неформальный литературно-философский калужско-обнинский кружок, духовным лидером которого были историк и философ В. В. Катагощин, философ В. В. Аксюциц и филолог Г. А. Анищенко. Большинство участников этого кружка прошли православную проповедь у о. Димитрия Дудко. В 1979 году КГБ провёл у Аксюцица в квартире обыски и изъяс целую библиотеку запрещённых книг Солженицына, Бердяева и т. д. Аксюциц подвергся допросам, несколько его друзей были посажены в лагерь, ему самому грозили арестом и заключением за «тунеядство». В 1982 году участник этого калужско-обнинского кружка Дмитрий Марков получил три года лагерей за перепечатку стихотворений о терроре Максимилиана Волошина и «Собачьего сердца» Михаила Булгакова. В 1980 году Аксюциц нелегально издавал альманах «Рубежи» в нескольких десятках экземпляров. В «Рубежах» были опубликованы работы о. Димитрия Дудко, переводы Карла Барта и Габриэля Марсея и др. (Аксюциц 2017: 70–74, 110–115).

Деятельность ВСХСОН, публикации в «Вече», «Московском сборнике», «Рубежах» затронули сравнительно малый круг лиц, в лучшем случае насчитывавший несколько сот человек. Но, так или иначе, они в принципиально новых условиях, сформировавшихся за десятилетия советской власти, начали разрабатывать и продвигать процесс формирования

мировоззрения, основанного на православии и русской консервативной традиции. Однако, с нашей точки зрения, определяющая роль в его разработке и донесении до сознания многих тысяч людей принадлежала Александру Исаевичу Солженицыну.

В русском движении 1970-х и последующих годов фигура А. И. Солженицына (1918–2008) была, пожалуй, самой крупной и стоит особняком. Судьба провела этого человека через невероятные испытания: войну, арест, ГУЛАГ, ссылку, заболевание раком и излечение от него, все-союзную и мировую известность — после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» (1962), получения Нобелевской премии (1970), публикации «Архипелага ГУЛАГ» (1973–1975), противостояние советской системе, высылку за границу, гигантскую ежедневную работу по созданию трудов, богатство которых нам ещё долго предстоит усваивать, триумфальное возвращение на Родину, противостояние олигархическому режиму. Он серьёзно изменил сознание наиболее активной части общества, как в СССР, так и на Западе, подвергнув беспрецедентной по остроте и убедительности критике советский эксперимент 1917–1953 годов.

Русский вопрос составлял стержень всей его деятельности. Он остро чувствовал стихию изуродованной русской жизни и русской истории XX века. Собственно, именно она отражена и осмыслена в его главных литературных произведениях: «Один день Ивана Денисовича» — «Матрёнин двор» — «Архипелаг ГУЛАГ» — «Красное колесо».

Публицистика Солженицына органично дополняет его собственно-литературные произведения, подобно тому как «Бесы» и «Братья Карамазовы» дополняются «Дневником писателя», «Война и мир» и «Анна Каренина» становятся яснее вместе с «Исповедью» и «В чём моя вера?».

Главная тема Солженицына — русский народ, его проблемы и пути их решения, сохранение и приумножение русского народа. Уже в «Письме к вождям Советского Союза» (1973) он призывал к национальному сохранению и самоограничению через авторитаризм, чтобы избежать трагедии, к которой вёл страну коммунистический режим (он уже тогда предвидел неизбежность геополитической катастрофы 1991 года). Писатель предлагал отказаться от утопической идеологии, от внешнеполитической экспансии, от красно-глобалистских амбиций, ведущих к безумной растрате народных сил и ресурсов, сосредоточиться на решении внутренних проблем русского народа, бросить освободившиеся средства на освоение собственного Северо-Востока, исконного русского Центра, сдвинуться не к Индийскому, а к Ледовитому океану. При этом национальный вопрос

в СССР рассматривался им как главный, а тогда ещё подпольные национал-сепаратистские движения — как самая большая опасность для СССР.

Разумеется, предложенная Солженицыным программа не могла быть реализована в условиях сохранения социалистической системы, которая была подвергнута острейшей критике в «Архипелаге ГУЛАГ». Эта система возникла в результате реализации проекта, первоначально предусматривающего уничтожение частной собственности, государства, религии, нации, семьи, «буржуазного» права, т.е. тех институтов, без которых в принципе не может существовать человеческое общество. Проект неизбежно вёл к беспрецедентному насилию над самой человеческой природой. Лишь народное сопротивление утопии постепенно смягчило античеловеческие черты «красного проекта».

После публикации «Архипелага» писатель был насильственно выслан за границу в феврале 1974 года.

В 1974 году в Париже вышел сборник статей «Из-под глыб», задуманный как своего рода продолжение знаменитых сборников «Вехи» и «Из глубины». Основные статьи в сборнике были написаны Солженицыным и И. Р. Шафаревичем.

Солженицын подверг резкой критике интернациональный марксизм и западнический космополитизм. В частности, по мнению Солженицына, «явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчётливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями?» (Из-под глыб 1974: 19). Игнорируя национальный дух, коммунисты и либералы враждебно относятся к самой возможности существования в России «живых национальных сил».

Либеральное понимание свободы неприемлемо для Солженицына: «Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свобод. ... И что же, спасло это его? Вот мы видим его сегодня: на оползнях в немощи воли в темноте о будущем, с раздёрганной и униженной душой» (Из-под глыб 1974: 21). Для него очевидно: «Сама по себе безграничная внешняя свобода (т. е. политическая. — А. М.) далеко не спасает нас... всякая свобода — дар не самоценный, а — проходной, лишь разумные условия, лишь средства, чтобы мы с его помощью могли бы достичь какой-то другой цели — высшей» (Из-под глыб 1974: 21–22). Для России не подходит западная многопартийная парламентская система, которую добиваются либералы. Опыт Запада в принципе не может быть заимствован русскими патриотами, поскольку явственно продемонстрировал в последнее время

свои отрицательные черты: «проступили её (западной парламентской системы. — А. М.) опасные, если не смертельные пороки: когда отсутствие этической основы для партийной борьбы сотрясает сверхдержавы; когда ничтожный перевес крохотной партии между двух больших определяет надолго судьбу народа ... когда безграничная свобода дискуссий приводит к разрушению страны ... когда исторические демократии оказываются бессильны перед кучкою сопливых террористов. Сегодня западные демократии — в политическом кризисе и в духовной растерянности. И сегодня меньше, чем всё минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны. Тем более что готовность России к такой системе, весьма низкая в 1917 году, могла за эти полвека только снизиться» (Из-под глыб 1974: 25).

И далее Солженицын утверждает, в духе И. А. Ильина, что авторитаризм является наиболее оптимальной для России формой государственного устройства, хотя и у него «есть свои большие опасности и пороки: опасность ложных авторитетов, насильственное поддержание их, опасность произвольных решений, трудность поправить такие решения, опасность сползания в тиранию. Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых, религиозных веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности» (Из-под глыб 1974: 26–27).

Самоограничение, утверждал Солженицын, необходимо и в частной жизни и в государственной политике. Он писал: «Может быть, как никакая страна в мире, наша Родина... нуждается во всестороннем развитии: и духовно, и как следствие — географически, экономически и социально... Наша внешняя политика последних десятилетий представляется как бы нарочито составленной вопреки истинным потребностям своего народа... Мы — устали от этих всемирных, нам не нужных задач! Мы неутомимо вмешиваемся в конфликты всех материков, судим и рядим, подталкиваем к ссорам и бесстыдно гоним оружие первым товаром нашего экспорта... В погоне за всеми этими искусственными целями, никак не нужными нашей нации, мы истощили свои силы, мы подорвали свои поколения...» (Из-под глыб 1974: 146–147). Необходимо сосредоточиться на главном для народа — внутреннем развитии: «Надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом... К счастью, дом такой у нас есть... — русский

Северо-Восток. И отказавшись наводить порядки за океанами, и перестав пригреть державною рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, — обратим своё национальное государственное усердие на неосвоенные пространства Севера-Востока» (Из-под глыб 1974: 148).

В статье «Образованщина» Солженицын проанализировал основные черты «малого народа» — части либеральной советской полуинтеллигенции, ее сервильность, внешнюю лояльность, невежество. Солженицын фактически доказал, что этот слой является подлинным наследником революционной интеллигенции, стремящейся к интернационализму и космополитизму, несущей полноту ответственности за катастрофу 1917 года. Благодаря пособничеству или молчанию интеллигенции, оторванной от народа, произошло уничтожение значительной части этого самого народа. Родовые меты «образованщины» те же, что были зафиксированы ещё в сборнике «Вехи»: антипатриотизм, отвержение религиозной нравственности, нетерпимость, презрение к реальному народу, неприятие традиции, орденские черты. «Образованщине» противостоит «жертвенная элита», сохранившая в сердце Бога, именно она может послужить источником национального возрождения.

Оказавшись за рубежом в результате насильственной высылки, Солженицын сохранил максимальную самостоятельность в действиях и суждениях, подвергнув резкой критике Запад, выступив против тупиков либерального глобализма и гегемонии европейской цивилизации (особенно в Гарвардской (1978) и Темплтоновской (1983) речах). Корни жестокого кризиса Западной цивилизации он в духе А. Ф. Лосева и о. Павла Флоренского возводил к антропоцентризму философии Возрождения и Просвещения, провозгласивших культ автономного человека, свободного от всякой высшей над ним силы. Основными чертами кризиса Запада для него выступали бескрайний материализм, свобода от религии и религиозной ответственности, сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом, расслабляющий комфорт, юридизм, беззащитность общества от безбрежных свобод, аморализм, манипулятивная стадность.

При этом он настаивал на прекращении разрядки и конвергенции, на экономическом бойкоте СССР, для того чтобы вызвать кризис коммунистического режима. Одновременно он выступил против русофобской позиции Запада и «третьей» эмиграции, всегда занимавших не столько антисоветскую, сколько антирусскую позицию. Именно тогда он вводит в широкий оборот термин «образованщина» для характеристики русофобствующей

интеллигенции. Патриотическая позиция Солженицына обусловила нежелание писателя принимать американское гражданство и заставила отказаться от встречи с американским президентом Р. Рейганом в кругу диссидентов «третьей волны» (1982). Свой отказ, шокировавший американский истеблишмент, писатель мотивировал тем, что некоторые американские генералы предлагали избирательно уничтожить русское население СССР ядерными ударами. К началу 1980-х годов Солженицын окончательно становится объектом неприятия и ненависти со стороны либералов, для которых он превратился в «черносотенца».

Главным делом жизни Солженицына, вплоть до начала 1990-х годов и возвращения в Россию, стало создание грандиозного исторического повествования «Красное колесо», в котором осмысливался феномен революции, приведшей к русской трагедии XX века. Солженицын оригинально и глубоко раскрыл значение в русской истории таких фигур, как Столыпин, Парвус, Ленин, показал разрушительную безответственность русского либерализма в феврале 1917 года. Однако «прививка» против нового «феврализма» не сработала, до сих пор именно это произведение Солженицына усвоено и понято в наименьшей степени из всех им написанных.

Вторым по значимости автором сборника «Из-под глыб» был Игорь Ростиславович Шафаревич (1923–2017), один из наиболее известных математиков современности, член-корреспондент Академии наук СССР с 1958 года, почётный член Американской академии наук, лауреат математической премии Геттингенской академии наук, лауреат Ленинской премии. И. Р. Шафаревич в 1970–1980-х годах был одной из ключевых фигур жизни общества, членом Комитета защиты прав человека в СССР, вторым после Солженицына ведущим идеологом национально-патриотического лагеря.

В 1955-м он подписал так называемое Письмо трёхсот в ЦК КПСС, солидаризировавшись с протестом учёных-биологов против лысенковщины. В 1968 году он подписал коллективное письмо в защиту диссидента-правозащитника А. С. Есенина-Вольпина, помещённого в психиатрическую больницу. А с конца 1960-х годов И. Р. Шафаревич становится одним из лидеров диссидентского движения, войдя в организованный А. Д. Сахаровым «Комитет прав человека в СССР», созданный в конце 1970 года, в котором он сделал одной из главных тем защиту прав верующих. Деятельность в сахаровском Комитете сблизила его с Солженицыным.

В сборнике «Из-под глыб» Шафаревич опубликовал несколько статей, из которых ключевой была «Социализм». Шафаревич представлял

социализм как следствие грандиозных кризисов, неоднократно переживаемых человечеством. Социализм как теория и практика — это проявление стремления человечества к самоуничтожению, к Ничто, он низводит человека на уровень детали государственного организма и стремится уничтожить те силы, которые поддерживают, укрепляют человеческую личность: религию, культуру, семью, индивидуальную собственность, саму человеческую индивидуальность во всех наиболее существенных проявлениях, высшие способности человека. Доведённая до логического конца реализация социалистической идеи ведёт к полному разрушению базовых основ человеческого общества, разрушению традиции и жизненного уклада, которые придают смысл человеческому существованию.

Крайне негативная трактовка социализма, безусловно, сближала Шафаревича с автором «Архипелага ГУЛАГ». Более того, следует признать, что Шафаревич являлся более радикальным критиком социализма, нежели Солженицын. Спустя несколько лет на основе этой статьи Шафаревичем была за рубежом опубликована книга «Социализм как явление мировой истории».

Другие статьи Шафаревича в сборнике «Из-под глыб» были посвящены национальному вопросу в СССР и в особенности русскому вопросу. Шафаревич утверждал, что под социалистической оболочкой вызревают национал-сепаратистские силы, готовые уничтожить государство. Он подчёркивал, что в СССР наряду с фактическим поощрением местных национализмов происходит подавление русского национального самосознания, русской культуры в условиях вскипающих антирусских настроений.

В 1982 году Шафаревич пустил в самиздат рукопись своего эссе «Русофобия», написанного ещё в 1980 году. Главное, что он сделал в этом эссе, — творчески развил понятие «малый народ», которое было впервые введено в оборот французским историком Огюстеном Кошеном, проанализировавшим ситуацию, сложившуюся в масонских ложах и интеллектуальных салонах во Франции перед революцией 1789 года. Именно они подготовили революцию, поскольку в них действовали люди, «объединённые одним общим настроением, а именно: презрением и ненавистью к собственной стране и своей культуре ... Последствия их деятельности были ужасны»⁵.

⁵ Интервью Игоря Шафаревича: «Я всю жизнь, сколько себя помню, думал о судьбе русского народа». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=36018> (дата обращения: 21.12.2023).

Шафаревич предположил, что подобный феномен — «малый народ» — появляется в период масштабных кризисов в любой стране, что это своего рода всемирный феномен. Подобные религиозные и идеологические меньшинства составляли ядро «контрэлиты» и явились причиной и движущей силой всех масштабных социальных катаклизмов, постигавших вышеперечисленные государства.

«Малый народ» в трактовке Шафаревича не является собственно национальным течением, поскольку в него могли входить представители разных этносов и национальностей (как и социальных слоёв). В позднем СССР «малым народом» выступили представители части либеральной интеллигенции. Шафаревич проанализировал характерную для этого слоя концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики, т. е. русофобию. Она, по сути, превратилась в идеологию активного либерального меньшинства, противопоставляющего себя остальному обществу и при этом убеждённого в своём праве творить судьбу всего народа. «Малый народ» убеждён в своём праве полностью игнорировать и враждебно относиться к исторической традиции и национальной точке зрения. Его идеалом является миф о «цивилизованном Западе», всякая постановка вопроса о какой бы то ни было русской цивилизационной самобытности категорически отвергается «малым народом».

«Русофобия» продолжала традиции сборника «Вехи», анализирующего характерные черты антинационального слоя начала XX века, его отношения к православию, русской культурной традиции и истории.

В конце 1970-х годов глава КГБ Ю. А. Андропов возродил Секретный политический отдел, который занимался политической оппозицией, и создал Пятое управление по борьбе с идеологической диверсией. 28 марта 1981 года глава КГБ Ю. В. Андропов направил в Политбюро ЦК КПСС записку, в которой заявлял: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя “русистами”. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Изучение обстановки среди “русистов” показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. Опасность прежде всего состоит в том, что “русизмом”, то есть демагогией о необходимости борьбы за сохранение культуры, памятников старины, за “спасение русской нации”, прикрывают свою подрывную деятельность

откровенные враги советского строя... В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления...» (Пресечь враждебные проявления «русизма» 1994: 108–109).

Удары наносились по разным направлениям, но особенно тяжёлыми оказались последствия для нелегального русского движения, которое было практически полностью ликвидировано, за вычетом незначительных кружков. Ныне очевидно, что таким образом Андропов расчищал дорогу для либерально-западнических сил, готовивших «перестройку» и «радикальные реформы» 1990-х годов. В условиях неуклонно ветшавшего СССР они располагали несопоставимо большими возможностями, чем все патриотические силы. Неслучайно с 1987 по 1993 год русское движение не смогло выдвинуть на политическую сцену ни одного признанного общенационального лидера, который мог бы составить альтернативу Горбачёву и Ельцину. Однако русское движение 1960-х — начала 1980-х сформулировало те идеи и подходы, которые прочно вошли в повседневный обиход современного русского консерватизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Пресечь враждебные проявления “русизма”»: Записка КГБ СССР в ЦК КПСС об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н., 28 марта 1981 г. // Источник. — 1994. — № 6.

Аксюциц В. В. Русский маятник. От коммунистического тупика через либеральный обвал. Заметки очевидца. — М. : Директ-Медиа, 2017.

Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. — М. : Проспект, 2019. — 710 с.

ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. — Paris : Ymca-press, 1975.

Из-под глыб : сб. статей. — Париж : Ymca Press, 1974.

Кожевников А. Ю. Русский патриотизм и советский социализм. — М. : Прометей, 2017. — 644 с.

Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. — СПб. : Алетей, 2007. — 560 с.

Осипов В. Н. Сколько нам осталось жить // Наш современник. — 1993. — № 1.

Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.) : коллективная монография / отв. ред. В. В. Журавлёв. — М. : Политическая энциклопедия, 2015. — 783 с.

Фоменков А. А. Русский национальный проект: русские националисты в 1960-е — первой половине 1990-х годов. — Н. Новгород : Эксприн, 2010. — 233 с.

Сведения об авторе:

Минаков Аркадий Юрьевич — доктор исторических наук, директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета, профессор Воронежского государственного университета, 394000, Воронеж, Университетская пл., 1, e-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

A. Yu. Minakov

VORONEZH STATE UNIVERSITY,
VORONEZH, RUSSIA

The Russian Movement of the 1960–1980s

Abstract. This article is dedicated to the phenomenon of the Russian movement in the second half of the 20th century — the successors of the political programs of pre-revolutionary conservatives and post-revolutionary emigrant conservative thinkers that emerged in the 1960s in the USSR. In this sense, the Russian movement, mainly consisting of dissidents and having an anti-communist orientation, is contrasted with the so-called legal Russian party, which attempted to connect the values of pre-revolutionary Russia with the Soviet period and see it as an organic continuation and embodiment of the former. The history and activities of the All-Russian Society of Cultural and Historical Heritage and its members I. V. Ogurtsov, V. N. Osipov, and their self-published journal “Veche”, as well as A.I. Solzhenitsyn and I. R. Shafarevich, are examined. The ideology of the All-Russian Society of Cultural and Historical Heritage is analyzed, including its attitude towards revolution, economic positions, critique of Marxism-Leninism, foundations of the desired Christian-social corporative system, and program of Christianizing society. The key milestones in the history of the journal “Veche” and the almanac “Moscow Collection” are presented. The role of priest Dmitry Dudko in the development of the Russian movement is reviewed. Special attention in the article is given to A.I. Solzhenitsyn, whom the author considers the most influential and key figure in the Russian conservative movement of the second half of the 20th century. The ideological content of the collection “From Under the Rubble” is examined, with Solzhenitsyn and Shafarevich being the central authors. The author concludes that the organizational destruction of the Russian movement in the Soviet Union in the late 1970s and early 1980s predetermined the course of Russian history, paving the way for liberal-Western forces

preparing for the restructuring and radical reforms of the 1990s. As a result, during the critical period for the country from 1987 to 1993, the Russian movement did not produce any universally recognized leaders who could offer an alternative to the liberal course of the country. Nevertheless, the intellectual developments of the Russian movement in subsequent decades have been in demand within the conservative political camp and continue to be so to this day.

Keywords: russian movement, Russian conservatism, All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People, I. V. Ogurtsov, V. N. Osipov, journal “Veche”, “Moscow Collection”, A. I. Solzhenitsyn, I. R. Shafarevich

For citation: Minakov, A. Yu. (2023). The Russian Movement of the 1960–1980s. *Orthodoxia*, (3), 98–123. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-98-123

REFERENCES:

“Presech’ vrazhdebnye proiavleniia rusizma”: Zapiska KGB SSSR v TsK KPSS ob antisovetskoi deiatel’nosti Ivanova A. M. i Semanova S. N., 28 marta 1981 g. [“To Stop Hostile Manifestations of “Russianism”: A Note by the KGB of the USSR to the Central Committee of the CPSU on the Anti-Soviet Activities of Ivanov A. M. and Semanov S. N., March 28, 1981]. (1994). *Istochnik*, (6). [In Russian].

Aksiuchits, V. V. (2017). *Russky maiatnik. Ot kommunisticheskogo tupika cherez liberal’nyi obval. Zametki ochevidtsa* [Russian Pendulum. From the Communist Impasse Through the Liberal Collapse. Eyewitness Notes]. Moscow: Direkt-Media. [In Russian].

Vdovin, A. I. (2019). *Russkaia natsiia v XX veke. Russkoe, sovetskoe, rossiiskoe v etnopoliticheskoi istorii Rossii* [The Russian Nation in the XX Century. Russian, Soviet, Russian in the Ethnopolitical History of Russia]. Moscow: Prospekt. [In Russian].

VSKhSON. *Programma. Sud. V tiur’makh i lageriakh* [All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People. Program. Court. In Prisons and Camps]. (1975). Paris: Ymca-Press. [In Russian].

Iz-pod glyb : sb. statei [From Under the Boulders. Collection of Articles]. (1974). Paris: Ymca-Press. [In Russian].

Kozhevnikov, A. Iu. (2017). *Russky patriotizm i sovetskii sotsializm* [Russian Patriotism and Soviet Socialism]. Moscow: Prometei. [In Russian].

Lebedev, S. V. (2007). *Russkie idei i russkoe delo. Natsional'no-patrioticheskoe dvizhenie v Rossii v proshlom i nastoiashchem* [Russian Ideas and the Russian Cause. The National Patriotic Movement in Russia in the Past and Present]. Saint Petersburg: Aleteia. [In Russian].

Osipov, V. N. (1993). Skol'ko nam ostalos' zhit' [How Long Do We Have Left to Live]. *Nash sovremennik*, (1). [In Russian].

Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. — 1991 g.) : kollektivnaia monografiia [Patriotism and Nationalism as Factors of Russian History (the End of the XVIII Century — 1991) : a Collective Monograph]. (2015). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. [In Russian].

Fomenkov, A. A. (2010). *Russky natsional'nyi proekt: russkie natsionalisty v 1960-e — pervoi polovine 1990-kh godov* [Russian National Project: Russian Nationalists in the 1960s — the First Half of the 1990s]. N. Novgorod: Eksprin. [In Russian].

About the author:

Arkady Yurievich Minakov — Doctor of Historical Sciences, Director of Regional Scholarly Library of Voronezh State University, Professor of Voronezh State University, 1, Universitetskaya sq., Voronezh, 394000, email: minak.arkady2010@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 17.07.2023; approved after reviewing 23.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.